

DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128
УДК 81(092); 81:001.89

Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы

Анатолий Леонидович ШАРАНДИН

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov Linguistic School formation and development

Anatoly L. SHARANDIN

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>, e-mail: sharandin@list.ru

Аннотация. Цель – показать роль профессора В.Г. Руделёва как основателя Тамбовской лингвистической школы в ее становлении и развитии. Рассмотрены понятие научной школы и ее инвариантные признаки, которые были реализованы в научной деятельности данной школы. Главное, что отличает эту школу, – это наличие развиваемого в рамках Тамбовской лингвистической школы теоретико-информационного метода, обоснованного первоначально на материале фонологии в духе Н.С. Трубецкого. Доказано, что данный метод универсален, о чем свидетельствует его реализация на языковом материале различных уровней языковой системы русского языка. Роль В.Г. Руделёва определяется тем, что он сумел разработать исследовательскую программу на основе этого метода и привлечь к ее реализации научное сообщество преподавателей и исследователей ТГУ им. Г.Р. Державина. Результаты научной деятельности Тамбовской школы лингвистов отличаются новизной, теоретической и практической значимостью, востребованы в исследованиях по русскому языку.

Ключевые слова: В.Г. Руделёв; Тамбовская научная школа; теоретико-информационный метод; универсальный характер метода

Для цитирования: Шарандин А.Л. Роль профессора В.Г. Руделёва в создании и развитии тамбовской лингвистической школы // Неофилология. 2019. Т. 5, № 18. С. 118-128. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128

Abstract. The aim is to show the role of professor V.G. Rudelev as a founder of Tambov Linguistic School in its formation and development. We consider the term of scientific school and its invariant features which were realized in the scientific activity of this school. The main feature is developing in the Tambov Linguistic School theoretical and information method on the phonology material inspired by N.S. Trubetskoy. This method is universal and its realization proves it on the language material of different levels of language system of the Russian language. V.G. Rudelev's role is that he could develop a research program on this method and attract to its realization scientific community of lectures and research workers of the Derzhavin Tambov State University. Results of scientific activity of the Tambov Linguistic School differ because of their novelty, theoretical and practical relevance in researches on the Russian language.

Keywords: V.G. Rudelev; Tambov scientific school; theoretical and information method; universal character of the method

For citation: Sharandin A.L. Rol' professora V.G. Rudelyova v sozdanii i razvitii tambovskoy lingvisticheskoy shkoly [Role of professor V.G. Rudelev in the Tambov Linguistic School formation and development]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 18, pp. 118-128. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-18-118-128 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Посвящается памяти основателя Тамбовской лингвистической школы профессора Владимира Георгиевича Руделёва (1932–2018)

Быть достойным университета!
(Из интервью В.Г. Руделёва 1995 г.)

Было бы наивно думать, что своими успехами Тамбовская школа лингвистов обязана только себе. Ее бы не было, этой школы, если бы в начале 70-х гг. в Тамбове... не возникла страстная жажда возродить в нашем городе закрытый когда-то Университет. Я называю сейчас эти 70-е гг. прошлого века и все последующие годы вплоть до открытия в 1995 г. Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина **Тамбовской Весной** (В.Г. Руделёв).

Человек, способный понять свое время, несомненно, заслуживает уважения и восхищения. Но вдвойне – тот, кто пошел дальше и предугадал, каким будет по своему пафосу и духу последующий временной промежуток. В этом случае, опережая свое время, человек может быть не понятым в тех или иных полученных результатах своей научной и творческой деятельности. На наш взгляд, многие идеи профессора В.Г. Руделёва еще не до конца осмыслены исследователями, вследствие чего оказались не в полной мере востребованными в решении научных проблем. Вот почему его научное наследие еще ждет своего исследователя «в потомстве» (ср. у Е.А. Баратынского, «читателя в потомстве»). Но, тем не менее, научным сообществом и образовательной системой Российской Федерации был признан один результат, наличие которого свидетельствовало о значимости научной деятельности профессора В.Г. Руделёва. Это – признание о наличии в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина научной лингвистической школы, основателем которой явился В.Г. Руделёв.

В первый раз о ней в официальных документах было заявлено в самом начале 1995 г. [1]. Это было время преобразования Тамбовского педагогического института в государственный университет, и данное известие прозвучало как одно из самых веских доказательств правомерности и необходимости подобного акта. Однако уже в течение 20 лет

научные изыскания, позволившие определить их как результаты деятельности научной школы, в той или иной степени находили отражение в публикациях сборников и материалах конференций. Это позволило в том же 1995 г. выпустить сборник, посвященный 20-летию Тамбовской лингвистической школы [2]. К этому времени по кафедре русского языка Тамбовского государственного университета было защищено 12 кандидатских диссертаций. В 1978 г. в Тамбове была проведена межвузовская конференция языковедов на тему «*Семасиология и грамматика*», привлекая внимание многих крупных ученых Москвы и Ленинграда. Признание научной школы в ТГУ им. Г.Р. Державина было представлено в «Вестнике гуманитарной науки» [3].

Как известно, наличие научной школы является знаковой приметой для характеристики деятельности не только научных (научно-исследовательских) учреждений, но и вузовских структур. Это своего рода отличительный и официально признаваемый статусный признак в научном пространстве образовательных учреждений разного типа, наличие которого учитывается в их рейтинге как системный показатель эффективности учреждения в ранжировании их деятельности. Как правило, наличие таких школ присуще, прежде всего, университетам. Поэтому не случайно мы имеем такое устоявшееся сочетание, как «университетская наука», в определенном смысле противопоставленное понятию академической науки. По мнению исследователей университетской науки, «вуз, в котором нет исследовательской деятельности, не может называться «университетом», даже если там имеют место очень качественные образовательные программы. Все это вытекает из требований федеральных государственных образовательных стандартов» [4].

В сочетании «научная школа» понятие «школа» представлено словарным значением «направление, течение... связанное единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов» [5, с. 721], а атрибут «научная» обуславливает сферу или область функционирования того или иного направления, течения. По мнению В.В. Колесова, «научная школа прежде всего именно «школа», в которой «учат», явление

научно-образовательного характера... В термине «научная школа» нет никакого риторического оксюморона или этического уничижения» [6, с. 393]. Поэтому, на наш взгляд, в самом общем виде научная школа может быть определена как система научных взглядов, объединенных общими или сходными принципами и методами исследования, которые реализуются в научной деятельности определенного коллектива ученых-единомышленников под руководством его лидера (учителя), предложившего основополагающие идеи для совместного решения в научно-исследовательской или научно-образовательной деятельности. В зависимости от концептуальных признаков или критериев, определяющих понятие научной школы, мы имеем различное понимание этого терминологического сочетания.

В качестве *инвариантных признаков* [7] можно выделить следующие: 1) наличие *научного метода*, лежащего в основе разрабатываемой теории или научной идеи, в той или иной степени реализованной в трудах основоположника. Это позволяет оценить теорию и действенность предлагаемого метода, увидеть конкретные результаты, признав их существенными, что влечет за собой 2) *признание основоположника* или другого видного ученого, принявшего его взгляды, в качестве создателя школы, *лидера (учителя)*, высшего авторитета. В связи с этим возникает 3) *необходимость объединиться (кооперироваться)* в рамках научного сообщества для дальнейших научных разысканий на основе определенной исследовательской программы с учетом близких духовно-нравственных, социально-психологических установок и общности в мотивации научных ценностей. При этом сохраняется 4) *преемственность традиций научной школы*, что предполагает постоянный приток новых исследовательских сил путем обучения молодых исследователей и повышения их научной квалификации. Однако это 5) не снижает творческого потенциала каждого из членов сформировавшегося сообщества, в рамках которого каждый способен реализовать *индивидуальные возможности* на пути своего самостоятельного научного развития и признания его как значимого и самостоятельного ученого-исследователя.

Все эти признаки, на наш взгляд, легко обнаруживаются в созданной В.Г. Руделёвым школе. Несомненно, важнейшим из них является 1-й признак – наличие нового метода. Однако, в рамках настоящей статьи и с учетом ее посвящения памяти профессора В.Г. Руделёва, хотелось бы остановиться, прежде всего, на 2-м признаке – *на признании В.Г. Руделёва в качестве создателя школы, лидера (учителя)*, высшего авторитета. Признание этого ученого в качестве лидера и учителя вполне закономерно, поскольку его научная эрудиция и результативность научной работы не вызывают сомнений. Возможно, именно это предвидел ректор Тамбовского педагогического института В.Д. Виноградов, приглашая В.Г. Руделёва в 1972 г. для работы в качестве заведующего кафедрой русского языка. Это не случайно, поскольку Владимир Дмитриевич был языковедом и смог объективно оценить исследовательские возможности молодого ученого, который успешно защитил в Ленинградском университете в 1971 г. докторскую диссертацию, посвященную типологии и истории русских вокалических систем. Этот фундаментальный труд поставил В.Г. Руделёва в ряд наиболее известных фонологов и историков русского языка. О научном признании исследований В.Г. Руделёва в этой области свидетельствует публикация его статьи о фонологической интерпретации русского аканья в журнале «Вопросы языкознания», издаваемом АН СССР (1963). В те годы публикация в этом журнале делала имя ученого не только широко известным, но и свидетельствовала о научной состоятельности и востребованности исследовательской позиции ученого-лингвиста.

И действительно, возглавив кафедру, В.Г. Руделёв сумел использовать научный потенциал преподавателей, сосредоточив часть исследовательской работы на изучении русских диалектов Тамбовской области, а другую часть связал с изучением фонологических изысканий в духе фонологии Н.С. Трубецкого. Если первое направление было закономерным и традиционным для научной деятельности кафедры, то исследования в области фонологии оказались в значительной степени новыми, поскольку фонология как самостоятельная учебная дисциплина только

пробивала себе дорогу и находила признание у молодых исследователей, поверивших руководителю-ученому в перспективность данных научных исследований. Примечательным научным результатом, позволившем убедить коллег и молодых исследователей в востребованности фонологических идей для описания диалектов, стала защита кандидатской диссертации С.В. Пискуновой «Фонологическое описание говора села Вирятино Сосновского района Тамбовской области».

Таким образом, уже на раннем этапе своей научной и профессиональной деятельности В.Г. Руделёву удалось приобщить преподавателей к основам именно *современной* науки, которая реализовывалась, как принято сейчас говорить, *в рамках приоритетных современных направлений*. Их перспективность и актуальность рассматриваемых в них проблем определялись поступательным характером лингвистики как науки. И при этом данное приобщение к актуальным проблемам, в частности, современной русистики было связано с существенным признаком университетского образования – вносить новое и в теоретические курсы русского языка как учебной дисциплины в вузе, что также является основополагающим признаком университетской науки.

Показательным в этом плане стало учебное пособие В.Г. Руделёва «Фонология слова» [8]. В *теоретическом отношении* эта книга примечательна в нескольких отношениях. *Во-первых*, в приверженности ученого к фонологическим методам описания русского языка, в реализации идей основателя фонологии как науки Н.С. Трубецкого. В тот период идеи Н.С. Трубецкого хотя и были востребованы в исследованиях ученых, но, тем не менее, они не получали методологического осмысления, не определяли методологический характер фонологии с ее методом оппозиций и теорией нейтрализации за пределами фонологии. *Во-вторых*, В.Г. Руделёв увидел, что фонология – это не только самостоятельная научная дисциплина, но и целостное «*научное мировоззрение*», которое способно было найти свое применение за пределами фонологии. Поэтому не случайно он, оценивая труды Н.С. Трубецкого, определил его идеи, как не оцененные XX веком, не ос-

мысленные в полной мере современными исследователями [9].

Характеризуя признание профессора В.Г. Руделёва в качестве лидера и учителя, отметим, *что* определяло эту сторону его деятельности в целом. Прежде всего, поражаало его стремление взглянуть на вполне известные и общепринятые идеи нестандартно, смело, когда привычные представления о тех или иных языковых явлениях и фактах оказываются в нашем сознании не такими уже незыблемыми истинами, какими мы их считали. Они давали возможность по-новому взглянуть на давно устоявшиеся традиции, увидеть и осознать их развитие в контексте современных лингвистических направлений и методов исследования. При этом важно отметить, что смелость и научная бескомпромиссность в отрицании этих привычных представлений не являются самоцелью рассуждений В.Г. Руделёва, поскольку он не ограничивается критикой идей по анализируемой проблеме, а дает возможность увидеть перспективы нового подхода, решения. И это уже определялось во многом благодаря научному методу, разрабатываемому или получавшему дальнейшее свое развитие в рамках создаваемой школы или научного направления.

Однако здесь, конечно, возникает вопрос о соотношении понятий «научная школа» и «научное направление». Этот вопрос не однозначно представлен в науковедении: одни исследователи считают, что понятие научной школы уже понятия научного направления (В.В. Колесов), другие, и их большинство, – наоборот. С этих позиций, говоря о Тамбовской лингвистической школе, мы имеем в виду широкое понимание научной школы. Показательным в этом отношении стало изменение названия в ее проблематике. Так, Тамбовскую лингвистическую школу нередко именуют по названию лаборатории «*Экология языка и речи*», проблематика которой с 1991 г. стала темой очень многих исследований, проводимых в рамках Тамбовской лингвистической школы, пафосом этих исследований и т. д. Однако первоначально в центре внимания научной деятельности школы были *проблемы взаимодействия лексической семантики и грамматики*, которые активно продолжали исследоваться и были ядром в

исследовательском поле научного коллектива кафедры русского языка. Поэтому сама научная школа не только сохранялась, но и окрепла – без каких-либо новых дополнительных названий, поскольку ее сущность определял научный метод – *теоретико-информационный метод*. При этом он оказался реализованным на всех уровнях языка, в синхронии и диахронии, в школьном преподавании русского языка [10; 11] и в чисто научном его осмыслении [9].

Теоретико-информационный метод заимствован В.Г. Руделёвым из работы великого русского ученого Н.С. Трубецкого «Основы фонологии». При этом необходимо отметить, что сам Н.С. Трубецкой не называл свой метод именем «*теоретико-информационный*», поскольку созданная К. Шенноном *теория информации* только начинала в середине 30-х гг. XX века пробивать себе дорогу. Суть интерпретируемого В.Г. Руделёвым теоретико-информационного метода заключается в констатации измеряемых оппозиций фонем: измерения происходят путем установления маркированных и немаркированных фонологических элементов. Констатируются также нейтрализации фонологических оппозиций, в которых происходят уподобления маркированных элементов немаркированным. Традиционному изучению фонетических (материальных) единиц (*звуков* или *фонем*) в фонологии Н.С. Трубецкого противопоставляется исследование *отношений* между упомянутыми единицами. Но, в отличие от его учения о нейтрализациях, В.Г. Руделёв осмелился лишить нейтрализацию ее признака факультативности, представив это явление как единственный способ опознания оппозиции: «*оппозиция существует тогда и только тогда, когда она нейтрализуется*», или: «*каждая оппозиция подвергается нейтрализации, и по ней только опознается*» [9; 12]. При этом фонологическая модель Н.С. Трубецкого вошла в исследования не механически, а с учетом ряда модификаций и усовершенствований. Как отмечает В.Г. Руделёв, во-первых, сочли возможным поставить в зависимость наличие оппозиций с нейтрализациями их в слабых положениях [12]: оппозиция существует тогда и только тогда, когда она исчезает, подвергается в особых положениях *нейтрализации*. Во-

вторых, *привативная (одномерная)* оппозиция описывалась не только как самостоятельная, но и оказывалась в описании языкового материала частью, звеном более сложной оппозиции, построенной по крайней мере на двух разновидностях (вариантах) одного и того же признака: */a→b/* и */b←c/* (*/a→b←c/*). Впервые корреляционный подход был применен в описании семантико-словообразовательных оппозиций по признаку пола в русском языке в 1978 г. [13].

Заявка на применение методов, аналогичных методу Н.С. Трубецкого, за пределами фонологии была сделана лингвистами, имеющими отношение к Тамбовской лингвистической школе, в 1987 г. [14]. И здесь произошло то, что можно соотнести с самым главным признаком научной школы, когда избранный исследователями или самими ими созданный *научный метод становится общим для всего направления* и применяется на разном, хотя и имеющем черты сходства, материале. Таким материалом стала система частей речи русского языка, и она оказалась подходящей для осмысления фактов целой группе исследователей.

В.Г. Руделёв экстраполирует идеи фонологии в грамматику русского языка, и прежде всего в морфологию. Конечно, экстраполяция фонологических понятий в другие области науки не означает, что исследователями должна игнорироваться специфика их предметов. Еще А.А. Реформатский, с которым В.Г. Руделёв был знаком и поддерживал научные связи, предупреждал: «Передовой опыт фонологии для становления структурного понимания языка в целом не должен соблазнять лингвистов к механическому переносу возможностей и закономерностей фонологии в иные разделы лингвистики. Явления дифференциации и нейтрализации имеются и в грамматике, и в лексике, но... указанные явления в фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике – качественно отличны и специфичны» [15, с. 523]. По мнению В.Г. Руделёва, оппозиции позволяли увидеть специфику противопоставляемых объектов или явлений, а нейтрализации – механизм их взаимодействия, устанавливающий динамический характер этого взаимодействия.

Таким образом, для осмысления грамматических идей В.Г. Руделёва важным является

ся универсальный метод теоретико-информационного представления языковых систем, открытый Н.С. Трубецким. Главным теперь уже были не фонологические штудии, а морфология и синтаксис. Именно в этот период, по сути, и началась *Тамбовская лингвистическая школа* – с ее разработкой теоретико-информационного метода и оппозитивного анализа исследования на всех лингвистических уровнях, с ее интересом к слову как глобальной единице языка, с глубоким проникновением в смысл грамматических категорий и шифруемых ими семантических различий.

С признанием профессора В.Г. Руделёва несомненным научным лидером и принятием развиваемого им теоретико-информационного метода в качестве методологического для своих научных исследований в коллективе кафедры произошло объединение в рамках научного сообщества для дальнейших научных разысканий на основе определенной исследовательской программы. Свидетельством этого, в частности, стали исследования самого В.Г. Руделёва и членов данного сообщества в области изучения взаимодействия лексики и грамматики, а также разработка теории частей речи русского языка в контексте основополагающих идей динамической теории их реализации в речи.

Наблюдения над взаимодействием лексики и грамматики позволили В.Г. Руделёву определить функцию грамматики по отношению к лексике как ее «шифр». *Идея «шифрующей грамматики»* не нова, что отмечал сам В.Г. Руделёв [16, с. 83]. Но в своем системном, концептуально оформленном виде идея шифрующей грамматики была развита в работах В.Г. Руделёва. Он видит цель грамматического исследования в том, чтобы каждой грамматической категории найти соответствующий семантический (абстрактный лексический) коррелят. К наиболее простому способу шифровки абстрактной лексической семантики В.Г. Руделёв относил грамматические категории [17]. Наиболее полно в концептуальном отношении идея шифрующей грамматики на базе метода теоретико-информационного представления языковых систем, знаковой единицей которых является слово, реализована В.Г. Руделёвым на материале частей речи, что позволило ему обос-

новать динамическую теорию частей речи русского языка.

Надо отметить, что путь В.Г. Руделёва к ее разработке не был простым. В 1975 г. в сборнике «Русские языковеды» была опубликована статья «Грамматическая теория Ф.Ф. Фортунатова», в которой была представлена формальная классификация слов русского языка в духе Ф.Ф. Фортунатова. В результате анализа В.Г. Руделёв пришел к выводу о наличии в русском языке 16 частей речи, под которыми понимались грамматические классы. Статус частей речи получили такие образования, как полное причастие, полное прилагательное, числительное, краткое причастие, краткое прилагательное, деепричастие, качественное наречие, наречие, местоимение, существительное, псевдоместоимение, перфект, презенс, императив, инфинитив и междометие [18]. Но, как отмечает сам В.Г. Руделёв, «недостаточная разработанность критериев, позволяющих относить то, что принимается за слово, действительно к словам или только к формам слов, сразу же обнаружила изъяны формальной теории, ...ее непродуктивность... Возникла опасность чрезмерного усложнения словаря...» [19, с. 37-38].

Отход от формального подхода произошел в 1980-е гг., когда на первое место была поставлена абстрактная лексическая семантика, шифром которой оказывались грамматические категории. В качестве языкового механизма, обусловившего характер частеречной системы как динамической, явились оппозиции, члены которой обладали разной информационной мощностью, что определялось на основе установленных нейтрализаций частей речи в слабых позициях. Динамичность частеречной системы в этом смысле определялась В.Г. Руделёвым как способность системы сокращаться за счет частеречного пространства, представленного оппозициями и их корреляциями, ради увеличения скорости речи. При этом, однако, процесс сокращения не сопровождается потерей значимой концептуальной информации, передаваемой частями речи, поскольку ее восстановление всегда возможно при применении корректирующей модели языка, приводящей к исходному состоянию системы [20].

Прежде всего в этом плане была описана оппозиция «глагол – существительное». Это естественно, поскольку «она, по словам В.Г. Руделёва, более всего проливает свет на то, как устроена языковая модель отраженного мира. Субстантивы – это исходное знание об отраженном мире, его членении, запечатленном в языке и мышлении. Глаголы – это постоянные или переменные признаки исходных представлений субстантивного характера, это та дополнительная информация, без которой информация начального, субстантивного плана неподвижна и мертва» [21, с. 23]. Как известно, в лингвистической литературе неоднозначно решался вопрос о том, какая из этих частей речи важнее, весомее. Одни лингвисты отдавали предпочтение существительному, так как признаки вторичны, они должны чему-то принадлежать, и прежде всего предметам. Другие же видели большую различительную силу в глаголах, поскольку предметы осознаются с помощью признаков. Третьи считали эти части речи одинаково важными, имея в виду, что предметы предполагают признаки, различающие их, но, в свою очередь, признаки не существуют без их носителей.

Нейтрализация позволяла в данном случае объективно установить в теоретико-информационном аспекте весомость той или иной части речи, ибо маркированный оппозиит несет больше информации по сравнению с немаркированным. Показателем нейтрализации частей речи является, по мнению В.Г. Руделёва, «приобретение некоторыми из них формальных признаков других частей речи при сохранении инвариантного значения» [19, с. 36]. Анализ оппозиций, представленных конкретными лексемами типа «бегу – бег», позволил установить маркированность глагола и немаркированность существительного, то есть $\Gamma \rightarrow \text{С}$. Следовательно, глагол оказывается более информационной частью речи по сравнению с существительным.

В таком же ракурсе была описана и оппозиция «прилагательное – существительное» и установлена по результату нейтрализации – наличию архиформ типа «красота» – маркированность прилагательного и немаркированность существительного, то есть $\Pi \rightarrow \text{С}$.

Достаточно наглядными формами, совмещающими формальные признаки двух частей речи в русском языке, являются причастие и деепричастие. В динамической теории частей речи они рассматриваются как результат нейтрализации глагола и прилагательного (причастие), глагола и наречия (деепричастие). Сохранение инвариантного значения глагола позволяло установить в этих оппозициях его маркированность.

Таким образом, в динамической теории частей речи необходимо различать собственно части речи и результат их взаимодействия в оппозициях, подвергающихся нейтрализации. Такого рода образования (типа «бег», «красота», «читающий», «читая») В.Г. Руделёв обозначил термином «мимикрические» формы. Он пишет: «Уход» = «стол», «красота» = «доска». Но это только по форме, а не по содержанию: по содержанию «уход» остается глаголом, а «красота» – качественно-предикативным словом. В этом весь смысл динамической теории частей речи русского языка!» [19, с. 42].

Важным моментом для осмысления значимости полученных грамматических результатов в рамках Тамбовской лингвистической школы стало их использование в лексикографической практике. По мнению В.Г. Руделёва, «целесообразно освобождение системы слов (лексем) от всего, что лишь внешне напоминает слова: от союзов и частиц, от предлогов и междометий... Сохраняя звания слов только за полнозначными словами и лишая такого звания «слова» служебные, а также междометные фразы, мы тем самым упрощаем словарь, усиливая и расширяя грамматику» [22, с. 54]. В лексикографической практике рассмотрение мимикрической формы слова-лексем в качестве особой коммуникативно-дискурсивной формы позволяет решить в какой-то степени проблему сокращения количества словарных статей за счет включения таких мимикрических форм, как, например, девербатив и деадъектив, имеющих самостоятельную словарную статью, в структуру статьи исходной (словарной) формы, от которой они образованы и с которой сохраняют лексическую тождественность. В этом случае лексикографический потенциал слова-лексем определяется его лексическим пространством, границы кото-

рого структурированы разными языковыми формами, имеющими свою концептуализацию, но при этом совместимую с концептуальным содержанием лексического значения. Оно является базовым (обязательным) семиотическим в семантической структуре слова-лексемы и обуславливает тождественность лексического значения во всех семантико-синтагматических (коммуникативно-дискурсивных) формах, обслуживающих его в качестве концептуальной структуры.

Универсальный характер теоретико-информационного метода был продемонстрирован В.Г. Руделёвым в исследованиях поэтического языка, включая и анализ «Слова о полку Игореве». Важно заметить, что рассуждения профессора В.Г. Руделёва о поэтическом языке – это не абстрактные размышления ученого по поводу тех или иных художественных текстов, а это мысли *ученого-поэта*, который способен чувствовать и понимать «дух» поэтического произведения, его выразительность и поэтику, сориентированные на авторский замысел и донесение его до читателя. Для В.Г. Руделёва «творчество всегда индивидуально: там, где оно теряет эту свою удивительную черту, возникает имитация (подобие!) творчества (науки, поэзии, публицистики, наконец – просто хорошего говорения)» [23, с. 114]. И поэтому в научных статьях В.Г. Руделёва именно с этих позиций представлены конкретные образцы анализа поэтических текстов. Но, главное, в этом анализе В.Г. Руделёв не порывает с теоретико-информационным методом, считая, что и в поэтике оппозитивный метод, теория нейтрализации позволяют определять отношения между ее единицами, выступая в качестве универсального метода теоретико-информационного представления языковых систем. По его мнению, поэтические тексты выдающихся мастеров почти всегда отражают некую абстрактную грамматическую модель языка, в несколько раз более совершенную, чем те модели, которые представлены в современных грамматиках – как школьных, так и более высокого ранга [24]. Поэтому обращение к поэтическому языку позволило В.Г. Руделёву уточнить ряд положений динамической теории частей речи русского языка на основе применения теоретико-информационного метода. Исследования

В.Г. Руделёва в области поэтического языка и поэтики подтвердили, что открытия и находки грамматического (частеречного) типа в рамках Тамбовской лингвистической школы не были случайными и имеют непреходящее значение. Многое удалось выявить, исследовать заново, описать нетрадиционно (более подробно см.: [25–27]).

Таким образом, развиваемый в трудах В.Г. Руделёва теоретико-информационный метод, сформировавшийся на базе фонологических описаний русских диалектов, оказался универсальным по характеру своей реализации и использования на разных уровнях языковой системы русского языка. Это позволило исследователям научной школы, принявшим его в качестве методологического инструментария и связанного с ним понятийного аппарата, успешно реализовать различную проблематику, которая была предметом их исследований на разном языковом материале. Естественно, приходилось уточнять ряд положений, связанных с результатами описания языка на разных уровнях его реализации в речи (тексте), особенно учитывая то, что свой метод Н.С. Трубецкой на лексическом материале не применял и вообще не выходил за пределы фонологии.

Говоря о роли В.Г. Руделёва в развитии научной школы, созданной им, важно отметить, что в ней он стремился сохранить *преемственность традиций*, которые показали действенность их применения. Поэтому он заботился о постоянном притоке новых исследовательских сил путем обучения молодых исследователей и повышения их научной квалификации. Однако при этом данные традиции не рассматривались им как средство снижения творческого потенциала каждого из членов сформировавшегося научного сообщества, в рамках которого каждый способен реализовать *индивидуальные возможности* на пути своего самостоятельного научного развития и признания его как значимого и самостоятельного ученого-исследователя. Показательными в этом отношении стали выполненные докторские диссертации такими членами научной школы, как А.Л. Шарандин, С.В. Пискунова, О.А. Цыпин, А.С. Щербак.

В ноябре 2018 г. в Тамбове проходили праздничные мероприятия, посвященные

100-летию ТГУ им. Г.Р. Державина. Для Владимира Георгиевича восстановление исторической справедливости по воссозданию университета на Тамбовской земле всегда было важно и значимо. Поэтому вся его научная и профессиональная деятельность способствовала тому, чтобы в 1994 г. в Тамбове вновь появился университет. За заслуги перед университетом В.Г. Руделёв был награж-

ден высшей наградой университета – золотой медалью.

К сожалению, по причине болезни, он не смог принять участие в торжественных мероприятиях. Поэтому все, кто был знаком с Владимиром Георгиевичем Руделёвым, с печалью воспринимали это, ибо они высоко ценили его бескорыстное служение науке и ту роль, которую он сыграл в создании и развитии Тамбовской лингвистической школы.

Список литературы

1. *Зубец В.М.* Мечта становится реальностью // Тамбовский государственный университет. Спецвыпуск. 1995. Февр. № 1-6. С. 2.
2. Слово 1: сб. науч. работ, посвящ. 20-летию Тамбовской лингвистической школы / отв. ред. В.Г. Руделёв. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 1996.
3. *Орлицкий Ю.* Международная конференция «Слово», посвященная 20-летию Тамбовской лингвистической школы // Вестник гуманитарных наук. М., 1995. № 6. С. 5-8.
4. *Адамов Н.А.* Проблемы и перспективы университетской науки. URL: <https://www.erej.ru/upload/iblock/19a/19ae3b9295938ac307cedc78767cf584.pdf> (дата обращения: 10.12.2018).
5. Словарь русского языка. Т. 4 / под ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984. 782 с.
6. *Колесов В.В.* История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 2003. 471 с.
7. *Кузнецова В.Ф.* Научная школа // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/nauchnaja-shkola.html> (дата обращения: 10.12.2018).
8. *Руделёв В.Г.* Фонология слова. Тамбов: ТГПИ, 1975.
9. *Руделёв В.Г.* Открытие, не осмысленное веком // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. М.: МГУ, 1995. Т. 2. С. 446-447.
10. *Руделёв В.Г.* Русский язык. Учение о предложении: учебник для VIII–IX кл. Тамбов: ТГПИ, 1992.
11. *Руделёв В.Г., Руделёва О.А.* Вначале было слово (Попул. лингв. теория, для учеников нац. школ. V–VII кл.). Тамбов: Тамб. гос. ун-т, 1995.
12. *Руделёв В.Г.* Типы нейтрализации и классификация оппозиций (на материале русского языка) // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М.: Наука, 1972. С. 319-333.
13. *Шарандин А.Л., Горват Г.Ф.* Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. Тамбов, 1978. С. 25-30.
14. *Дриняева О.А., Каменская Н.В., Руделёва О.А.* Фонологические методы, их универсальность и применение за пределами фонологии // Исследования по русской фонологии. Тамбов: ТГПИ, 1987. С. 115-123.
15. *Реформатский А.А.* Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970. 528 с.
16. *Руделёв В.Г.* Динамическая теория частей речи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 1996. Вып. 1. С. 83-89.
17. *Руделёв В.Г.* Типы и виды грамматик. Существуют ли грамматики, не являющиеся семантическим шифром? // Семасиология и грамматика. Тамбов: ТГПИ, 1977. С. 11-15.
18. *Руделёв В.Г.* Грамматическая теория Ф.Ф. Фортунатова // Русские языковеды. Тамбов: ТГПИ, 1975. С. 6-25.
19. *Руделёв В.Г.* Динамическая теория частей речи русского языка // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 36-49.
20. *Руделёв В.Г.* К уточнению термина «динамическая система» применительно к частеречному механизму русского языка // Филологическая регионалистика. 2014. № 1 (11). С. 71-76.
21. *Руделёв В.Г.* Существительное в русском языке. Тамбов: ТГПИ, 1979. 74 с.
22. *Руделёв В.Г.* Слово в словаре // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 49-62.
23. *Руделёв В.Г.* Творческий характер речи // Руделёв В.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2002. Т. 6. С. 113-115.

24. Руделёв В.Г., Руделёва О.А., Шарандин А.Л. Временная и видовая глагольные системы русского языка на службе русской поэзии (М. Лермонтов. Бородино) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 2 (106). С. 94-103.
25. Шарандин А.Л. Проблемы русской грамматики в трудах профессора В.Г. Руделёва // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 50-63.
26. Шарандин А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: к вопросу о поэтическом языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2002. Вып. 3 (27). С. 125-130.
27. Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделёва О.А. Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте сознания, времени и языка. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 14-22.

References

1. Zubets V.M. Mechta stanovitsya real'nost'yu [The dream becomes a reality]. *Tambovskiy gosudarstvennyy universitet. Spetsvyppusk* [Tambov State University. Special Issue], 1995, February, no. 1-6, pp. 2. (In Russian).
2. Rudelev V.G. (executive editor). *Slovo 1: sbornik nauchnykh rabot, posvyashchennykh 20-letiyu Tambovskoy lingvisticheskoy shkoly* [Word 1: Collection of Scientific Works Dedicated to the 20th Anniversary of Tambov Linguistic School]. Tambov, Tambov State University Publ., 1996. (In Russian).
3. Orlitskiy Y. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Slovo», posvyashchennaya 20-letiyu Tambovskoy lingvisticheskoy shkoly [International Conference “The Word”, Dedicated to the 20th Anniversary of the Tambov Linguistic School]. *Vestnik gumanitarnykh nauk* [Journal of Humanities]. Moscow, 1995, no. 6, pp. 5-8. (In Russian).
4. Adamov N.A. *Problemy i perspektivy universitetskoy nauki* [Problems and prospects of science at the university]. (In Russian). Available at: <http://www.erej.ru/upload/iblock/19a/19ae3b9295938ac307cedc78767cf584.pdf> (accessed 10.12.2018).
5. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. T. 4* [Dictionary of the Russian Language. Vol. 4]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1984, 782 p. (In Russian).
6. Kolesov V.V. *Istoriya russkogo yazykoznaneya: Ocherki i etyudy* [History of Russian Linguistics: Essays and Studies]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2003, 471 p. (In Russian).
7. Kuznetsova V.F. Nauchnaya shkola [Scientific school]. *Natsional'naya filosofskaya entsiklopediya* [National Philosophical Encyclopedia]. (In Russian). Available at: <http://terme.ru/termin/nauchnaya-shkola.html> (accessed 10.12.2018).
8. Rudelev V.G. *Fonologiya slova* [Phonology of Word]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute, 1975. (In Russian).
9. Rudelev V.G. Otkrytiye, ne osmyslennoye vekom [The discovery, not comprehended by century]. *Lingvistika na iskhode XX veka: Itogi i perspektivy* [Linguistics at the End of the 20th Century: Results and Prospects]. Moscow, Moscow State University Publ., 1995, vol. 2, pp. 446-447. (In Russian).
10. Rudelev V.G. *Russkiy yazyk. Ucheniye o predlozhenii: uchebnik dlya VIII–IX klassov* [Russian Language. The Study of Sentence: Textbook for 8th – 9th Grades]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1992. (In Russian).
11. Rudelev V.G., Rudeleva O.A. *Vnachale bylo slovo (Populyarnaya lingvisticheskaya teoriya dlya uchениkov natsionalnykh shkol V–VII klassov)* [In the Beginning There Was a Word (Popular Linguistic Theory, for Students of National Schools of 5th – 7th Grades)]. Tambov, Tambov State University Publ., 1995. (In Russian).
12. Rudelev V.G. Tipy neytralizatsii i klassifikatsiya oppozitsiy (na materiale russkogo yazyka) [Types of neutralization and classification of oppositions (based on the materials of the Russian language)]. *Problemy strukturnoy lingvistiki. 1971* [Problems of Structural Linguistics. 1971]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 319-333. (In Russian).
13. Sharandin A.L., Gorvat G.F. Semantiko-derivatsionnyye oppozitsii po priznaku pola [Semantic and derivational opposition on the basis of gender]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, 1978, pp. 25-30. (In Russian).
14. Drinyayeva O.A., Kamenskaya N.V., Rudeleva O.A. Fonologicheskiye metody, ikh universal'nost' i primeneniye za predelami fonologii [Phonological methods, their universality and application beyond phonology]. *Issledovaniya po russkoy fonologii* [Research on Russian Phonology]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute, 1987, pp. 115-123. (In Russian).
15. Reformatskiy A.A. *Iz istorii otechestvennoy fonologii* [From the History of Russian Phonology]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 528 p. (In Russian).

16. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi [Dynamic theory of parts of speech]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 1996, no. 1, pp. 83-89. (In Russian).
17. Rudelev V.G. Tipy i vidy grammatik. Sushchestvuyut li grammatiki, ne yavlyayushchiyesya semanticheskimi shifrom? [Types and kinds of grammars. Are there any grammars that are not semantic ciphers?]. *Semasiologiya i grammatika* [Semasiology and Grammar]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1977, pp. 11-15. (In Russian).
18. Rudelev V.G. Grammaticheskaya teoriya F.F. Fortunatova [F.F. Fortunatov's grammatical theory]. *Russkiye yazykovedy* [Russian Linguists]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1975, pp. 6-25. (In Russian).
19. Rudelev V.G. Dinamicheskaya teoriya chastey rechi russkogo yazyka [Russian language dynamic theory of parts of speech]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 36-49. (In Russian).
20. Rudelev V.G. K utochneniyu termina «dinamicheskaya sistema» primenitel'no k chasterechnomu mekhanizmu russkogo yazyka [To the specification of the term "dynamic system" in relation to the part-speech mechanism of the Russian language]. *Filologicheskaya regionalistika* [Philological Regionalistics], 2014, no. 1 (11), pp. 71-76. (In Russian).
21. Rudelev V.G. *Sushchestvitel'noye v russkom yazyke* [Noun in Russian Language]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1979, 74 p. (In Russian).
22. Rudelev V.G. Slovo v slovare [Word in the Dictionary]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 49-62. (In Russian).
23. Rudelev V.G. Tvorcheskij kharakter rechi [Creative Nature of Speech]. In: Rudelev V.G. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Tambov, Tambov State University Publ., 2002, vol. 6, pp. 113-115. (In Russian).
24. Rudelev V.G., Rudeleva O.A., Sharandin A.L. Vremennaya i vidovaya glagol'nyye sistemy russkogo yazyka na sluzhbe russkoy poezii (M. Lermontov. Borodino) [Temporal and specific verbal systems of the Russian language in the service of Russian poetry (M. Lermontov. Borodino)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, Tambov, 2012, no. 2 (106), pp. 94-103. (In Russian).
25. Sharandin A.L. Problemy russkoy grammatiki v trudakh professora V.G. Rudelyova [Issues of Russian grammar in V.G. Rudelev's works]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, Tambov, 2002, no. 3 (27), pp. 50-63. (In Russian).
26. Sharandin A.L. Ved' chto-to znachat slov spleten'ya: k voprosu o poeticheskom yazyke [After all, mixtures of words are meaningful: on poetical language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2002, no. 3 (27), pp. 125-130. (In Russian).
27. Sharandin A.L., Piskunova S.V., Rudeleva O.A. Tambovskaya lingvisticheskaya shkola [Tambov Linguistic School]. *V labirinte soznaniya, vremeni i yazyka* [In the Labyrinth of Consciousness, Time and Language]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2013, pp. 14-22. (In Russian).

Информация об авторе

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: sharandin@list.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Поступила в редакцию 09.01.2019 г.

Поступила после рецензирования 21.01.2019 г.

Принята к публикации 25.03.2019 г.

Information about the author

Anatoly L. Sharandin, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: sharandin@list.ru

Contribution: study conception, literature analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Received 9 January 2019

Reviewed 21 January 2019

Accepted for press 25 March 2019